

Елена Тырышкина

Полина Чеснялис

Россия

КОНЦЕПЦИЯ ЖЕНСТВЕННОГО В РАННЕЙ ЛИРИКЕ МИХАИЛА ЗЕНКЕВИЧА

Акмеистическая установка на абсолютное «приятие мира» предполагает, что для поэта этой школы природа и культура являются равноценными источниками вдохновения. Михаил Зенкевич уже в первой своей книге *Дикая порфира* (1912) большой интерес проявляет именно к природным феноменам, в число которых входит и человек. Лирический субъект *Дикой порфиры* стремится постичь устройство мира и доказать свое родство с вечной живой материей. Среди стратегий, к которым он прибегает, отчетливо выделяются те, что требуют поиска связей с первобытными людьми и животными. Их сила, ловкость, агрессивность – важнейшие качества, полученные от самой природы. Положение современного человека оказывается невыигрышно; он может лишь напоминать о себе:

Елена Викторовна Тырышкина – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и теории преподавания литературы Новосибирского государственного педагогического университета.

Полина Анатольевна Чеснялис – аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.

Земля-владычица! И я твой **отпрыск тощий**,
И мне назначила ты царственный удел [...]¹.

Земля, Мать-Природа, обладающая исключительным правом давать и отнимать жизнь, – главный женский персонаж книги *Дикая порфира*. Акмеистический принцип «отказа от непознаваемого», представленный в манифестах², нарушается. Загадочная и изменчивая природа выступает в роли «Большого Другого», не-сакрального божества, способного уничтожить человека в любой момент: во-первых, он, как и всё прочее, является ее творением; во-вторых, он ущербен (по сравнению, например, с животными); в-третьих, человек сам пытается быть творцом, вмешивается в жизнь природы. В *Дикой порфире* неоднократно проявляются эсхатологические мотивы, связанные с местью природы человечеству:

И в глубях шахт, где тихо спит руда,
Мы грузим кровь железную на тачки,
И бередим потухшие болячки,
И близим час последнего суда...

И он пробьет! Болезнь оmyвши лавой,
Нетленная восстанешь ты в огне [...] (с. 49).

Лирический субъект восхищается красотой, мощью, жестокостью природы – он поклоняется этой царственной стихии и стремится приблизиться к ней в акте познания:

Не порывай со мной, как мать, кровавых уз,
Дай в танце бешеном твоей орбитной цепи
И крови красный гул и мозга жирный груз
Сложить к подножию твоих великолепий (с. 55).

Мотив поклонения-познания-жертвенности по отношению к природе – первоматерии, стихийной субстанции, в книге *Дикая порфира* является ведущим (в дальнейшем он трансформируется: в сборнике *Под мясной багряницей* женщина как возвышенный и загадочный объект займет центральное место, а указанная триада редуцируется до двучленной, исчезнет познавательная функция).

¹ М. А. Зенкевич, *Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары*, Москва 1994, с. 55. Прочие стихотворения М. Зенкевича цитируются по тому же изданию с указанием страницы в скобках. Здесь и далее все выделения в цитатах наши. – Е. Т., П. Ч.

² Н. С. Гумилев, *Наследие символизма и акмеизм*, «Аполлон» 1913, № 1, <<http://gumilev.ru/clauses/2/>>.

Женщина предстает как истинно природное и – высшее существо, прекрасное, хищное, опасное:

И девушки – их поступь строже
Медлительной походки жриц,
Но **как у змей, отливы кожи,**
И, **точно когти, стиб ресниц** (с. 64).

Подчеркивается, что женщина и природа связаны общими законами:

Подняв неслышно два прилива:
Желчь океанов, крови дев,
Луна пустынная лениво
Встает, средь серой мглы зардев (с. 77).

Однако, главное свойство природы – исключительное право давать и отнимать жизнь – при перенесении на женщину искажается. Способность к деторождению оказывается утеряна. М. Зенкевич обращается к легенде о Вавилоне, подчеркивая, что падение города началось именно с невозможности продолжения рода – на первый план выводится биологическая причина гибели цивилизации:

И в блеске мазей, в позолоте
Величественна поступь жен, –
Но уж давно **бесплодьем плоти**
Огонь их чрева поражен (с. 61).

Бесплодие сочетается с внешней красотой. Далее неразделимость этих двух свойств сохраняется. В *Дикой порфире* акцентирована inferнальная природа подобной женственности. Лирикой М. Зенкевича востребован образ распутной женщины, содержащий отсылку к изображению Великой блудницы в *Откровении* Иоанна Богослова:

[...] и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистойою блудодейства ее [...]³.

В стихотворении М. Зенкевича:

На хребте багряного зверя
вижу царственно-тяжкую ношу.
Как Христово причастье, в сосуде

³ Откр 17: 3–4.

Всем доступны для блудного сева
И ее не кормящие груди,
И ее не носящее чрево (с. 79–80).

Сопоставление тела блудницы с сосудом для причастия косвенно приравнивает связь с ней к обряду евхаристии. Подобное смешение эротического и религиозного контекстов при изображении женщины характерно для старших символистов – это явление описано в работе Аге Ханзена-Лёве⁴.

Еще одно описание женственности в лирике М. Зенкевича сопровождается отсылкой к средневековому суевию, согласно которому срезанные волосы ведьмы могут обратиться в змей:

Ресницы – как с пылью черной
Тычинки маков кровавых,
И как в божнице у святых,
Печально-строг твой взор упорный.

Но воинств преисподних сила
Венец тяжелый, огневой
Из тусклой лавы возложила
Над этой гордой головой.

И если бы в средневековье,
Как у колдуний, прядь волос
Твоих, обрызгав свежей кровью,
Зарыли вечером в навоз, –

То, отогретые полуднем,
Бесстыдные, влачась в пыли,
Раздувшимся кровавым студнем
Как змеи б косы поползли [...] (с. 76).

Героине одновременно приписываются способности к оборотничеству и первотворению, с другой стороны – она представлена как существо с волосами-змеями, подобное Горгоне. А «взор святой» делает этот образ оксюморонным, сакрально-инфернальным (уже в этом раннем сборнике намечается связь с традицией декаданса, хотя общий контекст связан с реализацией программы акмеизма)⁵.

⁴ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича, А. Е. Барзаха, Санкт-Петербург 1999, с. 323.

⁵ См. подробнее в ст.: П. А. Чеснялис, *Субъект и сверх-субъект в книге Михаила Зенкевича «Дикая порфира»*, «Филология и человек» 2013, № 4.

Женский персонаж, управляемый луной и способный к превращениям, близок к образу Лилит, представленной в некоторых апокрифах как первая жена Адама. Женщина-демон, «в иудейском быту Лилит особенно известна как вредительница деторождения»⁶. Собственные потомки Лилит регулярно умирают, что обусловлено принятым ею наказанием. В стихотворениях М. Зенкевича имя Лилит не упоминается, но такие ее признаки, как нарушение материнской функции и оборотничество, характерны для представленного в *Дикой порфире* образа.

В книге *Под мясной багряницей*, выход которой планировался на начало 1920-х годов, природе как порождающему абсолюту почти не уделяется внимания. На первый план выходят демонические красавицы, сохраняющие свое главное качество – неспособность к деторождению. При этом о необходимости продолжения рода постоянно говорится, но эта функция парадоксальным образом перекладывается на мужчину и приводит его к гибели. Это декларируется уже в первом стихотворении книги:

Не женщина, а мужчина вселенский искупитель,
Кому дано **плодотворить, умирая** (с. 92).

В концепции М. Зенкевича стремление к продолжению рода для мужчины опасно. Это прослеживается в том числе через параллели с животным миром. Так в одном из стихотворений, подчинившись инстинкту продолжения рода, погибает молодой лось, обманутый охотничьим рожком. В другом случае аналогом пылкого любовника выступает бык, жизнь которого вот-вот должна оборваться:

Он будто не чуял, что сумрак близок,
Что скоро придется стальным ногам –
С облупленной кожей литой огрызок
Отрезанным сбросить в красный хлам (с. 95).

Физическое разрушение субъекта-мужчины становится расплатой за возможность продолжить род. Но принесенная жертва оказывается бесполезной – ни разу не говорится о появлении на свет потомства. Единственный контекст, в котором упоминается процесс деторождения, – это описание долгой, мучительной смерти посаженного на кол:

Два раза пел крикливый муэдзин
И медленно, как голова ребенка,

---

⁶ А. А. Папазян, *Лилит*, в кн.: *Мифологический словарь*, гл. ред. Е. М. Мелетинский, Москва 1990, с. 312.

Все разрывая, лез осклизлый клин
И разрыхляла к сердцу путь воронка (с. 93).

Теоретическая сторона такого изображения – это декадентский поиск женственного в мужчине, но практическая реализация с использованием подчеркнуто натуралистического образа находится, скорее, в поле авангарда.

На таком фоне еще отчетливее выделяются носительницы опасной женственности. Прекрасная демоница в *Дикой порфире* соблазняла мужчину, но никогда не пыталась лишить его жизни. В стихотворениях, составивших книгу *Под мясной багрянницей*, возникает образ недоступной красоты, несущей гибель мужчине, посягнувшему на обладание ею.

Любовный альбом – вторая часть книги *Под мясной багрянницей* – открывается стихотворением *Лора*, героиня которого – прекрасная охотница:

Вы **хищная и нежная** и мне
Мерещитесь несущуюся с гиком
За сворою, дрожащей на ремне,
На жеребце степном и полудиком (с. 108).

Оксюморонная характеристика, данная героине в первой строке, концентрирует основные признаки женского персонажа, представленного во второй книге стихов М. Зенкевича: с одной стороны, это опасное бестиарное создание, с другой – воплощение красоты и грации. «Отрицание банального тождества добра и красоты»⁷ как отсылка к эстетике декаданта.

Значимая деталь в портрете опасной женственности – глаза, блеск которых сопоставим с блеском холодного оружия или лунным светом. Женский взгляд воспринимается как представляющий опасность, ранящий, убивающий:

Кинжала взлет, серебряный и краткий,
И вы, взметнув **сияньем глаз стальным**,
Швыряете кровавою перчаткой
Отрезанные пазанки борзым (с. 109).

Безумец! Дни твои убоги,
А ты ждешь жизни от любви...
[...]

От женских любопытных взоров
Таи смертельный страх и дрожь

⁷ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм...*, с. 319.

И сился, как в соломе боров,
Из сердца кровью выбить нож (с. 105).

Со-природное отзывается в женщине-охотнице физической силой и ловкостью. С проявлением этих качеств связано еще и возникновение в лирике М. Зенкевича женщин-циркачек:

Мне акробаток снилась лестница
Под куполом, и так легко
На мыльный круп коня наездница
С размаха прыгала в трико (с. 98).

Охотница из стихотворения *Лора* сопоставима с мифологической Дианой. Метафорический план стихотворения разворачивается так, что жертвой ее в конце становится мужчина, отождествляемый с волком. Такой выбор тоже интересен: объект охоты сам хищник, но побежден сильной, ловкой и – что важно – прекрасной женщиной. Мужчина-жертва с восторгом относится к собственной гибели и даже просит о ней:

Так что же неожиданного в том,
Что я **вымаливаю**, словно дара,
Как волк, лежащий на жнивье густом,
Лучистого и верного удара? (с. 109)

Мифологический сюжет о богине-охотнице актуализируется и в цикле *Любовный альбом*, и в более поздней лирике:

Толпу поклонников, как волны раздвигая,
Вы шли в величье красоты своей,
Как шествует в лесах полунагая
Диана среди сонмища зверей.
[...]
Ваш лик божественный мне чудился знаком:
Не вам ли ноги нежные лизали
Ласкаясь, тигры дымным языком?
И стала мне понятна как-то вдруг
Богини сребролунной синеокость
И **девственно-холодная жестокость**
Не гнущихся в объятья тонких рук (с. 110–111).

Эй, слушайте, нимфы! Я – Актеон.
Я тайну богини один **подсмотрел**,
Когда она в волны входила нагая... (с. 140).

Если взгляд земной женщины опасен для мужчины, то его любование богиней – из области табу, нарушение которого карается смертью. Девственная красота опаснее красоты распутной. Мечтой мужчины в таком случае остается «снисхождение» богини к нему:

И смертные счастливыцы припадали
На краткий миг к бессмертной красоте
Богинь снисшедших к ним – священные те
Мгновенья, что они безумцам дали (с. 110).

Как природа создает и подавляет человека, так и женщина имеет неограниченную власть над мужчиной и в итоге губит его. Можно предположить, что на концепцию женственного, представленную в ранней лирике М. Зенкевича, повлиял актуальный для культуры декаданса роман Леопольда фон Захер-Мазоха *Венера в мехах*. Изображение опасной женственности в стихотворениях М. Зенкевича коррелирует с рассуждениями героя этого романа:

В женщине я видел олицетворение природы, Исиду, а в мужчине – ее жреца, ее раба, и она виделась мне по отношению к мужчине жестокой как природа, отталкивающая от себя то, что послужило ей, когда больше в нем не нуждается, тогда как для него все ее издевательства и самая смерть от ее руки превращаются в сладостное блаженство⁸.

Продолжение рода остается за скобками. В природе – «плодотворить, умирая», а в социуме – умирать, посягнув на женскую любовь, как на нечто запредельное. Единственное, что возможно – сдаться прекрасной хищнице и умереть, мечтая о перемене ролей.

Мужчина сам хотел бы превратиться в преследователя, любящего-убивающего, но эти мысли реализуются лишь на уровне фантазмов:

Хотелось в безумье, кровавым узлом поцелуя
Стянувши порочный, ликерами пахнувший рот,
Упасть и, охотничьим длинным ножом полосую,
Кромсать обнаженный мучительно-нежный живот (с. 103).

Или – как в стихотворении *Тигр в цирке* – когда лирический субъект описывает не то, что видит, а то, что ему представляется возможным и – в немалой степени – желаемым. Понимающий свое бессилие перед женщиной, он хотя бы в ирреальном плане расставляет всё по местам: тигр должен растерзать укротительницу:

⁸ Л. фон Захер-Мазох, *Венера в мехах*, пер. А. В. Гараджа, Москва 2008, с. 69.

И **мерещилось** – хрустящие в алом челюсти,
 Сладострастно мусоля, тянут в пасть
 Нежногибкое тело, что в сладостном шелесте
 От себя до времени утаивала страсть (с. 97).

Но тигр, подчиняясь командам хозяйки, прыгает в золоченый обруч...
 На таком же ирреальном уровне «реализуется» мужская охотничья
 сущность:

Эх, **если бы** украсть тебя от мужа
 И ночью голую, не прошептав «люблю»,
 В кошму закутать, прикрутить потуже,
 Да припустить коня по ковылю.
 [...]
 Но **тщетно тешусь** грезой преступной:
 Очнувшись, слышу ваш надменный смех
 И вижу в блеске холод недоступный
 Роскошных плеч, одетых в шелк и мех (с. 138–139).

Мех, атрибутированный прекрасной женщине, – это и охотничий трофей, и традиционный предмет роскоши, и признак бестиарности, «хищности».

Любовный поединок как метафорическая охота, где женщина должна быть традиционной «жертвой», прочитывается через отсылки к фольклорной традиции:

В поднебесье твоего безбурного лица
 Не я ль на скаку, встряхнув рукавицей,
 Позволил каменной грудью взвиться
 Белому соколу с золотого кольца.
 Конец девичнику и воле девичьей.
Подшибленная лебедь кличет в крови.
 Мой сокол, мой сокол под солнцем с добычей,
Терзай ее трепетную, когти и рви! (с. 105–106)

Однако в контексте сборника это стихотворение выглядит «идеальным» фантазмом мужчины, мечтающего о садистическом триумфе.

Итак, в сборнике *Под мясной багрянницей* конструируется образ мужчины-искупителя, отзывающегося на зов крови ради продолжения рода и умирающего. Постоянно возникают аналогии с природным миром – лось, бык, конь, волк (*Смерть лося, Бык на бойне, Верхом, В логовище* и другие). Но волк – хищник, он не только просит «последнего удара», но и способен

к поединку, пусть и безнадежному в своем исходе. Стихотворение *В логовице* развивает эту тему:

Пуская рога трубят по логу
И улюлюканье в лесу,
Как зверь, в родимую берлогу
Комок кровавый унесу.

Гоните псов по мерзлым травам,
Ищите яму, где лежу.
Я языком своим шершавым
Все раны сердца залижу.

А нет... Так, ощетинясь к бою,
Втянув в разрытый пах кишки,
С железным лязганьем открою
Из пены желтые клыки (с. 106).

Служение прекрасной даме, добровольная жертва и героическая смерть – вот удел мужчины:

Тягостны бескрасные дни.
Для мужчины – охотника и воина.
Сладостна искони
Не стервятиня, а убоина.
[...]
Отрезвевшая от любовных нег,
Черепную чашу пригубь,
Женщина, как некогда печенег.
Ничего, что крышка не спилена,
Что нет золотой оправы. Ничего.
Для тебя налита каждая извилина
Жертвенного мозга моего (с. 105).

Традиция декаданса с его губящими *femme fatale* доминирует в этом сборнике, хотя уже в *Дикой порфире* намечался образ Лилиг. Зенкевич сопрягает здесь два ряда – природы и культуры, а «общим знаменателем» становится женская смертоносная красота. Непротиворечивый синтез раннего символизма и акмеизма, культуры и природы, создается за счет сквозного мифологического сюжета о Диане и Актеоне.

И в той, и в другой книге выстраивается модель «приятия мира», «во всей совокупности красот и безобразий», по известному выражению Сергея Городецкого⁹. Однако модели эти различаются.

В *Дикой порфире* человек/мужчина воспринимает в целом мир как радостный в непрерывном потоке творения, природа – материнская стихия, прекрасная, рождающая и убивающая, но смерть «сынов природы» – лишь краткий миг в превращении материи. Древность, начало истории человечества, предстает своеобразным «золотым веком». По мере развития цивилизации человек лишается первобытной мощи, физической силы и звериной интуиции, но у него есть преимущество перед животным миром – дар познания. В этой книге уже намечается мотив опасной женской красоты, хотя в целом концепция остается акмеистической, и хаотические силы природы уравниваются созидательными.

В следующей книге *Под мясной багрянницей* концепция женственного получает своеобразную трактовку: женщина – существо высшее, она одновременно и вписывается в природный контекст (ее ловкость, жестокость, красота), и порывает с ним, так как ей чужда роль матери. Красавицы обычно недоступны, занимают сакральную позицию, и близость с ними может стоить жизни. Непререкаемое право природы давать и отбирать жизнь оборачивается непререкаемой женской властью над мужчиной, обреченным стоически принимать любовь как рок.

Такая концепция уже выходит за рамки акмеизма и граничит с декадансом, а своеобразие авторского мировоззрения состоит в парадоксальном сближении этих эстетических программ: «приятие мира» обеспечивается за счет разработки сюжета охоты, где роли перевернуты – успешным «хищником» является женщина. М. Зенкевич, будучи человеком начала XX века и «последовательным» акмеистом, пытается «вернуться к истокам», создать «Нового Адама», осознавшего свою природную сущность, но не может повернуть время вспять и отринуть «тенёта культуры». Прекрасная Дама младосимволистов слишком «бесплотна», а Прекрасная Дама адамизма, «хищная и нежная», становится новым воплощением женщины «жестокой, как природа», как богини античности и богини декаданса – Саломея, Юдифь, Клеопатра...

---

⁹ С. М. Городецкий *Некоторые течения в современной русской поэзии*, «Аполлон» 1913, № 1, <<http://gumilev.ru/acmeism/5/>>.

